

СВЯТЫЕ И ГРЕШНЫЕ

Седрак Симонян

Святые и грешные

<https://litres.ru/74092753>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тайны бытия, ии как люди живут, действуя запрограммированно, вместо того чтобы денно и нощно молиться светилам — дневным и ночным.

Седрак Симонян

Святые и грешные

Святые и грешные

Говорили древние: действительность — обтекаемая и абсолютно условная субстанция. А то, что мы подразумеваем, ориентируясь на объективное и субъективное восприятие пространства и бытия, — совсем не то, для иной личности. Единственный путь избавления души от философствования — раскрепощение от оков, наложенных на нас действительностью; возможное и приемлемое, как надёжные крылья, летящие осиротевшими тропами позабытого детства; странности и особенности, приписываемые нашей персоне — воспринимать подобные истины, ибо наше эго утверждается в делах и переосмыслениях повседневных.

Странности преследуют нас и часто мы, по велению обстоятельств, или злему умыслу провидения, мечемся в извилинах вселенского сознания. Или искажены образами той высшей истины, на пути к которой превращаемся, идя к телесной смерти, в частицу бескрайней толпы. И тоска бескрайняя, и смертен данный миг.

Всякая жизнь своеобразна, и я постараюсь глаголить, как выразился бы мой знакомый, — о жизни, меня окружающей.

Если уважаемый редактор соизволит проштудировать данный текст, уверяю его, я — порядочный малый, и негоже искать в моей персоне и дюжине своих преимуществ, ибо признание — это не пасквиль, брошенный на суд времени. И упаси Бог текст этот представить периодике, которая не преминула бы вставить подобострастные комментарии (что нежелательно для меня), если бы опубликовала сей опус.

Это бросило бы тень не только на мою скромную персону, но и на местную интеллигенцию. И, несмотря на речи в центре села лысого и хромого соседа, чьё имя не считаю нужным упоминать, на одном из диалектов родной речи, не злословил бы о том, что «эти старички, остатки горе-интеллигентов прошедших веков, на приморской бульваре, в тени пирамидальных тополей и иных субтропических растений, кидают камешки, играя в нарды, а наш умник суетится во-круг них, страдая от обыкновенного безделья...».

Лишь мысленно представьте уродливый облик пирата прошлых веков: пустые глаза, тупой взгляд, бесформенные усы, беззубый рот. Это и есть портрет моего соседа. Его пасквили в адрес интеллигенции — это понятно, так как известно, что данный слой общества, как его и пасынок, всегда являлся предметом для битья.

В мои годы, с моим уровнем интеллекта и вправду неуместно сравнивать себя со старцами, получившими образование в разных краях империи, но что ввели они меня в свои ряды — это кое-что значит для моего самолюбия.

Когда впервые из затерявшегося в верховьях горных ущелий маленького села, спустился я на автобусе на равнину, то, замороженный увиденным повторял вслед завоевателю древних времен, немного переиначивая его слова: «пришел, увидел, завоевал» на — «пришел, увидел и был завоёван». Пройдя по приморским бульварам, изумясь грациозности и воздушности городских девушек и, действительно: в тени парков, среди наших старцев, забивающих в домино или играющих в нарды, обсуждающих судьбы нации, сплетничающих о женщинах и бог весть о чем, сверхтемпераментными криками путающих дремлющих на макушках эвкалиптовых деревьев ворон, я был истинно убежден, что моё место в их рядах.

Проявляемая ими беспечность, игривость в «осени жизни», комфорт в пространстве и времени, давали более тяги моей душе, чем сонное однообразие горного села. И эта, душой улавливаемая гармония, может и учтенная космическим миропорядком, пропитавшая кровь, как алкоголь или морское дыхание, в пространстве свободы намеченное под-сознанием втягивание в историю, приемлемое всеми, но, всё

равно обособляясь, как одинокий Санчо, — ищет ли в себе, или материализует мечты того рыцаря? Но, не найдя, замыкается, неся бремя и рыцаря и оруженосца, продолжая проживать (иначе куда денешься) счастливые дни, или одинокие тоскливые вечера...

Мои признания не иносказание, ибо иносказание и притча — это инакомыслие человека, но древнего. И не в отместку моему соседу пишу я эти строчки. Но ради истины, ради сохранения духовного облика интеллигенции южного приморского городка, в укор смеющемуся над этим уподоблением соседу в одном из ежемесячников истолковавшем эти сарказмы как всплеск злорадства. Но при этом не будем искать объект для словесного битья или порицания. Это было бы бесперспективно, ибо каждый человек, с тем или иным уровнем восприятия, являет миру свою истину, и никак иначе.

И, правда, нелегко говорить о той среде, чьим представителем вольно или невольно являешься. Предпочтительнее скрыться под псевдонимом или вообще не подписывать сии строки. Может, выбор формы Действия и поведения основывается на моем желании обозревания действительности, а не на впадении в реликтовые лабиринты бесконечных размышлений...

Но правдой является то, господа мои хорошие, что представленная мной интеллигенция — это заряженная определенными знаниями, опытом и навыками повседневной жизни, повседневно блуждающая по приморским бульварам, тяготеющая к сборищам, разношерстная и разновозрастная публика. Начиная с клерков и работников разных учреждений (конечно, бывших), уже отставных светил из рода интриганов и мафиози, плюс к этому, не поддающаяся возрастному определению или различию творческая интеллигенция, то есть пишущая, рисующая и лепящая по своему разумению, и вечно недовольная кем-то и чем-то. Иногда — пробовавшие оторваться от достигнутой ими своей интеллектуальной орбиты несколько сельских учителей. И, несомненно, странные типы, наподобие Матоса.

В своём пристанище в горах, в лесистой зоне верховьев горной реки, где он в одиночестве, среди запаха альпийских фиалок, среди ущелий и пещер, где он проживал, упоённый бесконечностью вечных вопросов бытия. Выдавая иногда странные откровения вроде того, что женщина, родившая Божье дитя, должна быть почитаема первой в пантеоне святых. Или, утверждая, что единственной обобщающей религией является сама мать природа, а ее азбукой — чтимые верующими обряды и ритуалы, от экзотических до вселенских.

Если по-честному, внутренняя дисциплина мышления у него напрочь отсутствовала, его знания, подобно наполненной водой бочке от шараханья, выплескивались через края. Скажем, сегодня он мог рассуждать о Междуречье и шумерах, а завтра — поносить или восхвалять Будду и Дао.

В своих спорах ли, рассуждениях, он не анализировал, а констатировал сказанное, как дитя отмена; увиденное и услышанное. Он выступал как смиренный верующий, и для него неприемлемой была ежедневная жизнь, где, кроме духовных дерзновений, он должен быть в мелочной каждодневной жизни. От чего и он, и все люди так или иначе зависят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.